

Выражение залоговых отношений в разноструктурных языках: есть ли залог в венгерском?

Антонина Петровна Гуськова

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Москва, Россия*

Введение. Статья является продолжением авторского исследования грамматических категорий глагола в венгерском языке в сопоставлении с русским. Предметом изучения в настоящей работе выступает грамматическая категория залога, распространенная в русском и отсутствующая в венгерском языке, а также способы ее передачи при переводе на венгерский язык. Цель работы – проанализировать грамматические формы венгерского и русского глаголов, выражающих залоговые отношения, и установить соответствующие эквиваленты категории русского залога в венгерском языке.

Материалы и методы. Материалом исследования послужила глагольная лексика, взятая из лексикографических работ (словарей венгерского и русского языков), лингвистических и публицистических источников, грамматик венгерского языка. В статье используется как письменная форма современного венгерского языка, так и живая разговорная речь. Методологическую основу исследования составляют работы по общему языкознанию, теории морфологии, способствующие постановке проблемы, определению степени ее разработанности в научной литературе, а также ознакомлению с концептуальными подходами к залогу как неоднозначно трактуемой грамматической категории глагола. При исследовании языковых фактов венгерского и русского языков используются сопоставительно-типологический, синхронно-описательный, функционально-семантический методы.

Результаты исследования и их обсуждение. В ходе исследования было выявлено, с помощью каких способов словоизменительные и словообразовательные средства, выражающие грамматическую семантику категории залога в русском языке, адекватно передают категориальное значение в венгерском, в котором указанная категория отсутствует. Данные сопоставления двух языков помогают обозначить особенности, свойственные каждому из них, что в целом способствует разрешению проблем, связанных с практикой их преподавания. Полученные результаты могут быть полезны при анализе других грамматических категорий на материале различных языков.

Заключение. Несмотря на то что глаголы в венгерском языке не имеют пассивного залога, средства и формы его выражения представлены в нем развитой и разнообразной системой. Проведенное исследование позволяет продвинуться в понимании типологической специфики категории залога и внести определенный вклад в общую теорию этого явления, так как в ее рамках впервые осуществлено изучение форм глагола двух разносистемных, генетически неродственных языков на основе сопоставительного анализа в грамматическом, семантическом и функциональном аспектах.

Ключевые слова: глагол, грамматические категории, категория залога, парадигма, разноструктурные языки, сопоставительное изучение языков

Для цитирования: Гуськова А. П. Выражение залоговых отношений в разноструктурных языках: есть ли залог в венгерском? // Финно-угорский мир. 2022. Т. 14, № 1. С. 33–43. DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.01.33-43.

Введение

Отсутствие в некоторых языках категории залога признается их типологической особенностью. Как отмечает венгерский лингвист И. Пете, «с типологической точки зрения для оформления пассивных конструкций в разных языках важны: 1) способность глаголов к образованию пассивных конструкций, 2) способы оформления субъекта, 3) способы оформления предиката» [13, 102]. Категории залога нет и в

глагольной системе венгерского языка, что также является его специфической чертой. Венгерским глаголам не свойственна категория залога с оппозицией форм действительного и страдательного залогов. Этот язык не имеет парадигматического оформления страдательного залога. В нем отсутствуют пассивные конструкции, однако преобразование исходной диатезы происходит (см. также [6, 23]).

Большей частью исследователей основными формами категории залога в русском языке признаются актив и пассив. При этом активный залог оценивается как морфологически исходная форма, а пассивный – как форма, морфологически производная. В русском языке существуют два способа образования форм страдательного залога: от причастий и от личных форм глагола. В составе страдательных конструкций с глаголами употребляется имя, стоящее в творительном падеже. Оно является субъектом действия и чаще всего выражается одушевленным именем существительным: *Спортсменом предпринята еще одна попытка покорения высоты*. Страдательный (пассивный) залог означает, что действие направлено на объект, выраженный именительным падежом и являющийся подлежащим: *Высота покорена спортсменом*. В случае пассивной трансформации объект становится подлежащим, субъект же – косвенным дополнением, стоящим в творительном падеже, т. е. подлежащее в пассивной конструкции – это прямое дополнение в активной конструкции: *Спортсмены покоряют высоту – Высота покоряется спортсменами*.

Формами пассива являются формы глагола 3-го лица (единственного и множественного числа). В русском языке страдательный залог в личных формах образуется синтетически. Следует добавить, что вид русского глагола влияет на оформление предиката в пассивной конструкции: если глагол несовершенного вида, то при образовании пассивной формы используется постфикс *-ся*; если же глагол совершенного вида, то залоговая форма используется со вспомогательным глаголом *быть*, который в настоящем времени не употребляется: *Работа была выполнена – Работа выполнена* (см. также [7]).

В венгерском языке конструкций, подобных русским, нет, однако способов передачи на венгерский язык русских залоговых значений – в рамках синтаксиса простого предложения – существует мно-

го: с помощью словообразовательных суффиксов, причастных конструкций с пассивным значением, местоименных глаголов и др. Тем не менее одним из главных приемов перевода на венгерский язык русских страдательных конструкций венгерский языковед А. Шальга считает их передачу с помощью действительных оборотов, например: «Задание выполняется учащимися» – *A hallgatók megoldják a feladatot*; «Дом строится двумя бригадами рабочих» – *A házat két munkásbrigád építi* [17, 103].

Обзор литературы

В современной лингвистике в понятие залога исследователями вкладывается разное, иногда противоречивое содержание. По свидетельству В. С. Храковского, в русистике концепции залога различаются определениям залога, количеством выделяемых форм залога и их качественной характеристикой, выявлением семантической однородности/неоднородности форм залога, характера залоговых оппозиций, специальной глагольной лексики, охватываемой категорией залога¹. Относительно единодушного мнения языковеды достигли в вопросе о залоговых преобразованиях, которые обуславливаются, как правило, семантикой глаголов. При этом в различных языках залоговые преобразования имеют формальные особенности и рассматриваются главным образом в рамках синтаксиса простого предложения.

Для решения проблемы залога в разноструктурных языках в специальной литературе поднимаются также вопросы выделения основных типов пассивных конструкций, обозначения главных членов предложения, описания семантических связей между членами предложения и др. К числу нерешенных можно отнести и вопрос о грамматической сущности категории залога: являются ли залоговые образования морфологическими формами глагола или же синтаксическими структурами? Многие современные грамматисты отрицают залог как морфологи-

¹ См.: Храковский В. С. Залог // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 160–161.

ческую категорию и признают, что залоговые отношения (субъектно-объектные трансформации) должны исследоваться в сфере синтаксиса, а не морфологии глагола. Еще В. В. Виноградов писал, что залог лежит за пределами морфологии слова [2, 518]. Широко распространена и точка зрения, согласно которой залог находится в пограничном пространстве между грамматикой, лексикой и синтаксисом.

Неоднозначные трактовки залога и существующая в лингвистике терминологическая неопределенность привели к различным подходам в решении некоторых теоретических проблем залога. Так, И. А. Мельчук и А. А. Холодович, опираясь на понятие диатезы, рассматривали залоговость через соответствия между синтаксическими и семантическими составляющими предложения [12, 117]. Изменение соотношения между семантическими (субъект, объект) и синтаксическими (подлежащее, дополнение) актантами определяется понятием «диатеза». Диатеза и залог – соотносительные понятия разных уровней. Будучи семантико-синтаксической категорией, диатеза является универсальной, в отличие от залога, который представляет собой грамматически маркированную диатезу; иными словами, залог – категория морфологическая и не универсальная. Любая глагольная лексема в любом языке имеет одну диатезу. Как подчеркивает В. Г. Гак, «залог в лингвистике трактуется широко и узко: в первом случае он совпадает с понятием диатезы, во втором к залогу относятся только морфологические средства преобразований, он представляет собой лишь “часть” диатезы» [4, 368].

С середины 1980-х гг. в лингвистике стала распространяться теория функционального подхода к залогу в противоположность формальным описаниям механизма залоговых преобразований. А. В. Бондарко, разрабатывавший эту проблему на материале славянских, в первую очередь русского, языков, определял

залоговость как комплекс функционально-семантических полей, обладающих ядром и фоновыми структурами и включающих поля активности и пассивности. Ядро поля образует категория залога, представленная оппозицией активной и пассивной конструкций. Понятийную основу поля залоговости составляет залоговое отношение понятия действия к логическому субъекту и объекту. Все поля объединены общим признаком – характеристикой действия по отношению к субъекту и объекту, причем активность толкуется как исходно-субъектная, а пассивность – как исходно-объектная ориентация действия предиката [1, 135].

Затрагивая вопрос семантики залога, некоторые языковеды высказывали мнение, что залог не располагает никакой семантикой. Функция этой категории состоит в простом преобразовании синтаксической структуры предложения, т. е. в изменении расстановки членов предложения: подлежащего и дополнения, что показывает глагольная форма. Однако, как утверждает В. А. Плунгян, «в языке не бывает (или практически не бывает) “семантически пустых” категорий; тем более не может быть лишена семантической нагрузки категория, представленная столь массово»². Залоговые значения, по его мнению, очень разнообразны, и залог предполагает тонкое взаимодействие морфологии, синтаксиса и прагматики с участием всех трех компонентов.

Исследования залога, содержащие вопросы общетеоретического характера, в последнее время проводились и на материале финно-угорских языков. В частности, значительное количество работ было опубликовано по грамматической категории залога в удмуртском языке. Примером многоаспектного описания данной категории являются статьи Н. В. Кондратьевой, К. Г. Костиной [8; 9], И. А. Котковой [10], Г. А. Ушакова [14] и др. Большой интерес вызывает высказывание К. Г. Костиной о залоговых формах глагола в ряде финно-угорских языков, в частности венгерском: «В саамском, финском, вен-

² Плунгян В. А. Общая морфология. Введение в проблематику. М., 2003. С. 194–195.

герском, хантыйском, мансийском языках выделяются активная и пассивная формы глагола. В языках агглютинативного типа речь идет о каузативных и рефлексивных (возвратных) формах, каждая из которых имеет отличительные грамматические маркеры. ... В финно-угорских языках выделяются каузативные (или понудительные) и рефлексивные (или возвратные) формы залога» [9, 362]. В связи с этим необходимо упомянуть, что венгерские грамматисты традиционно включают показатели залоговости в венгерском языке в число словообразовательных средств³. Такой же точки зрения придерживаются и авторы академической грамматики венгерского языка [18, 357–358].

Материалы и методы

Теоретическую базу исследования составили труды ведущих отечественных и зарубежных лингвистов по проблемам сопоставительного изучения языков, функциональной грамматики, теории залога, грамматических категорий глагола в венгерском языке. Это прежде всего идеи и концепции А. В. Бондарко [1], В. В. Виноградова [2], В. Г. Гака [4], К. Е. Майтинской [11], И. А. Мельчука, А. А. Холодовича [12], В. С. Храковского [15; 16], В. А. Плуныя⁴ и др.

Материалом исследования послужила глагольная лексика, взятая из произведений венгерских писателей, лексикографических работ (словарей венгерского и русского языков), лингвистических и публицистических источников, грамматик венгерского языка, периодической печати, разговорной речи.

Цель исследования – проанализировать грамматические формы венгерского и русского глаголов, выражающих залоговые отношения, и выявить эквиваленты категории русского залога в венгерском языке.

Для достижения поставленной цели в работе использован комплекс исследовательских методов: сопоставительно-типологический, применяемый для

выявления внутриязыковых и межъязыковых сходств и расхождений; синхронно-описательный, предполагающий анализ, классификацию языковых фактов; функционально-семантический, позволяющий проводить системный анализ языковых форм, выражающих определенное значение, и описывать разнообразные языковые данные. Применены различные приемы лингвистического анализа: системный, компонентный, функционально-семантический, контекстуальный, трансформационный, которые базируются на методиках конкретного лингвистического анализа грамматических категорий глагола в аспекте их функционирования в тексте и в системе языка. Использование названных методов исследования, подтверждающих те или иные научные выводы, служит достижению результатов, имеющих как теоретическую, так и практическую ценность.

Результаты исследования и их обсуждение

Анализ залоговых отношений в таких разноструктурных языках, как венгерский и русский, продемонстрировал сложность объекта исследования, охватывающего морфологию, семантику, а также синтаксис простого предложения. Ранее мы уже указывали на то, что в венгерском языке русские залоговые значения выражаются посредством многообразных языковых средств: рядом словообразовательных суффиксов, причастными конструкциями с пассивным значением, местоименными глаголами и другими способами, которые образуют довольно разветвленную систему [5]. Большинство венгерских грамматистов, в частности Л. Дэжэ, оценивают венгерский язык «как язык без пассивных конструкций», в которых нет пассивного глагола, но есть «пассивное» причастие, не выступающее в предложении в качестве сказуемого [6, 25]. Практически все авторы научных грамматик сходятся во мнении, что венгерским глаголам не присуща

³См., например: Bencédy J., Fábíán P., Rác E., Velcsov Mártonné. A mai magyar nyelv. Budapest, 1991. Old. 127–128.

⁴См.: Плуныя В. А. Указ. соч.

категория залога с полноценными залоговыми противопоставлениями⁵.

По поводу использования глагольных словообразовательных суффиксов залогового значения в венгерском языке российский хунгаролог К. Е. Майтинская отмечала: «...богатство глагольных суффиксов отглагольного словообразования объясняется тем, что переходность/непереходность, залоговые значения... в основном выражаются путем суффиксации» [11, 272]. Данная система включает суффиксальную форму выражения пассива, передающую различные оттенки страдательного залога. В нее входит также причастная форма выражения пассива специальной конструкцией с фиксированным порядком слов, в которой существует прочная связь между членами. Сюда же можно включить и немногочисленную группу венгерских глаголов, используемых с местоименной формой, которая приобретает в речи залоговое значение: *Érezze magát otthon!* «Чувствуйте себя как дома!»; *Nem kérette magát kétszer.* «Он не заставил упрашивать себя дважды». Местоименная форма выражения пассивного залога в венгерском языке, оформленная аналитически, более характерна для разговорного стиля речи. В зависимости от контекста в русской речи ее эквивалентами могут быть как личные, так и причастные залоговые конструкции.

Таким образом, средства выражения залоговости в венгерском языке, передающие значение русского пассива и организующие простое предложение, неоднородны, относятся к разным уровням языка и включают несколько структурно-функциональных разновидностей. В этом аспекте небезынтересно рассмотреть семантику, морфологию и синтаксис составляющих простого предложения (подлежащее, сказуемое, дополнение) и составляющих высказывания (субъект, предикат, объект). В. С. Храковский отмечает, что в структурах пассивного залога субъект по определению не занимает позиции подлежащего. Субъект может

занимать позицию другого члена предложения или не занимать, а значит, не обозначаться в структуре специальным членом предложения. Так как субъект не занимает позиции подлежащего, эта позиция может быть занята любым другим участником ситуации либо остаться незанятой [15, 13]. Данную мысль развивает и венгерский лингвист И. Пете: «Страдательный залог обозначает, что подлежащее является объектом действия, т. е. подлежащее не производит действие, а подвергается ему со стороны субъекта» [13, 102].

Суффиксальное выражение пассивных значений в венгерском языке

Как уже было отмечено, наиболее распространенным способом передачи залоговых значений русского глагола в венгерском языке выступает их выражение с помощью суффиксов. Глагольная лексема с таким значением представляет собой личную форму глагола 3-го лица (единственного числа), оформленную словообразовательным суффиксом. Она является синтетической формой и образует слово (в котором основа неразрывно связана с формантами), а не словосочетание. Глаголы с суффиксами *-ódik/-ődik* используются нечасто, особенно в разговорной речи, хотя перечисленные форманты и употребляются с переходными глаголами: *ír* 'писать', *íródik* 'писаться'; *ad* 'давать', *adódik* 'даваться, предоставляться, складываться, проистекать из чего': *Az ilyen alkalom ritkán adódik.* «Такой случай предоставляется редко»; *Az ügy gyorsan intéződik.* «Дело решается быстро». Более частотным в современном венгерском языке считается суффикс *-ul/-ül*, используемый с непереходным вариантом основы глаголов (имеющих также переходный вариант): *tanít* 'преподавать', *tanul* 'учиться, заниматься'; *épít* 'строить', *épül* 'строиться'; *fordít* 'поворачивать', *fordul* 'повернуться'; *borít* 'укрывать, покрывать', *borul* 'опрокидываться': *A ház már felépült.* «Дом уже по-

⁵ См. также: Hegedűs R. Magyar Nyelvtan: Formák, funkciók, összefüggések. Budapest, 2019. Old. 399–401.

строен»; *A kocsí az árokba borult.* «Машина свалилась в канаву».

В венгерском языке залоговые отношения выражаются также суффиксами *-atik/-etik, -tatik/-tetik*, которые были образованы от суффиксов каузативных глаголов [6, 29]. Суффиксы страдательного значения *-atik/-etik, -tatik/-tetik*, как и словообразовательные суффиксы *-ódik/-ődik, -ul/-ül*, присоединяются только к переходным глаголам. Несмотря на то что указанные суффиксы относятся к продуктивным формантам, в разговорной речи они употребляются редко: *néz* 'смотреть', *nézetik* 'смотреться'; *enged* 'разрешать, позволять', *engedtetik* 'разрешаться, позволяться'; *ad* 'давать', *adatik* 'даваться, сообщаться'; *kér* 'просить', *kéretik* 'проситься' и др.: *Az ilyen viselkedés nem engedtetik.* «Такое поведение непозволительно»; *Neki a sorstól minden megadatott.* «Ему все давалось судьбой»; *A mese tanulsága az utolsó mondatban foglaltatik.* «Мораль басни заключена в последней фразе»; *A postástól átadatik a levél.* «Письмо передается почтальоном»; *A ház lebontatik.* «Дом сносится».

Спорным среди языковедов остается вопрос, следует ли считать словообразовательные суффиксы *-ózik/-őzik, -óz(d)ik/-őz(d)ik* формантами, передающими залоговые значения русского глагола, или же аффиксами, с помощью которых переводятся русские глаголы, называющие, как правило, физическое, психическое состояние человека: *Oda kellene mennem, de nem akarózik.* «Мне надо бы пойти туда, но не хочется». Предложения типа «Мне не спится», «Им не сидится» можно квалифицировать как устойчивые обороты, в которых субъект действия употребляется только в форме дательного падежа.

Что касается использования номинативной формы подлежащего в обоих языках, то она зависит как от семантики глагола, так и от семантики субъектно-объектных отношений. Схема предложения с непереходным глаголом включает предикат и объект в именительном падеже, на который направлено действие. Наблюдается «стяжение» трехчленной страдательной конструкции с переходом

в двучленную из-за отсутствия в ее составе слова, указывающего на исполнителя действия, при этом смысловая связь между двумя членами предложения остается весьма прочной. Опущение названия производителя действия в сравниваемых языках иногда порождает двусмысленность, так как субъект, производящий действие, подразумевается.

При обратном переводе венгерских суффиксальных форм на русский язык возникают некоторые сложности, которые связаны с наличием в русском двух рядов возвратно-страдательных глаголов: с *-ся* и без *-ся*. Учет русских глаголов, имеющих формы обоих залогов, составляет определенную трудность при изучении данного аспекта венгерскими учащимися. Венгерская конструкция, в которой отсутствует субъект действия и сказуемое оформлено суффиксом страдательного залогового значения, с точки зрения структуры не является прямым аналогом русской пассивной конструкции. В последней субъект действия имеет падежное окончание: «Организация кредитуется банком / в банке» – *A bank hitelt nyújt a szervezetnek.* Не следует забывать, что выбор той или иной падежной формы субъекта связан с семантикой глаголов [3, 146]. Структура русского пассивного предложения, в котором субъект действия – косвенное дополнение в форме беспредложного творительного падежа, зависит от залоговой формы глагола: «Больной был осмотрен врачом» – *Az orvos megvizsgálta a beteget.* Падежная форма субъекта действия составляет специфическую черту русского языка, которую необходимо учитывать при переводе.

В современном венгерском языке словоформы с суффиксами страдательного значения употребляются в официально-деловом и публицистическом стилях речи, в материалах прессы, а также в научной прозе как отход от авторского «я». Они используются, когда субъект действия неизвестен или его название нежелательно, неудобно по разным причинам. В разговорной речи такие словоформы возможны в устойчивых оборотах типа *tudtára adatik* 'доводится до сведения'; *közhippé tetetik* 'делается достойно-

ем гласности, оглашается»; *rokonszenvvel viseltetik* 'испытывается симпатия'.

Сопоставительный анализ в целом позволяет заключить, что использование залога в большей мере свойственно русскому языку, а дифференциация употребления венгерских и русских форм пассивного залога обусловлена функциональными стилями речи.

Причастная форма выражения залоговых значений в венгерском языке

В системе средств выражения залоговых значений в венгерском языке следует выделить также причастную форму залога, которую целесообразно рассматривать в разделе синтаксиса простого предложения. В рамках обсуждаемой темы мы можем назвать главные проблемы исследования: 1) падежное оформление субъекта и объекта в составе причастной конструкции, 2) отношение оппозиции переходности/непереходности к оформлению ее синтаксиса. Обозначенные проблемы затрагивают маркировку субъекта и объекта действия в предложениях с причастными оборотами, в которых имеются неперебиваемый на русский язык послелог *által* и причастие на *-t/-tt* с пассивным значением. В предложении эти обороты выполняют функцию распространенного определения (заметим, что термин «оборот» употребляется нами условно).

В приведенном ниже примере имя существительное *Munkácsy* с послелогом *által* в причастном обороте выступает в функции логического объекта, а причастие – логического предиката действия: *Világhírűek a Munkácsy által festett képek*. «Картины, написанные Мункачи, известны во всем мире». Представленный синтаксический тип субъектно-объектных отношений в венгерском языке – не залог, а лишь разновидность пассивной трансформации предложения. Как видно из примера, причастие *festett* в причастном обороте стоит в препозиции к определяемому существительному *képek*, грамматическому подлежащему, и не согласуется с ним ни в числе, ни в падеже, являясь определением.

В зависимости от семантики синтаксиса в венгерских причастных оборотах причастие определяет главным образом дополнение или подлежащее: *Kóstold meg az édesanyám által sült kenyeret!* «Попробуй хлеб, испеченный моей мамой!» В переходных конструкциях кроме глагольной формы синтаксическую нагрузку несут на себе также падежные словоформы членов предложения. В приведенных примерах объект действия имеет маркер именительного падежа, который может быть идентичен номинативу субъекта действия: *Munkácsy* и *képek* стоят в номинативной форме. Ситуация с двумя именительными падежами, как правило, разрешается с помощью порядка слов, который устанавливает семантику отношений и их иерархию.

В случае исходного венгерского языка страдательные причастия на русский язык чаще всего переводятся страдательными причастиями прошедшего времени. В русском языке как вариант перевода можно использовать также придаточные определительные предложения с союзом *который*: *Kiadták a mester által alkotott műveket*. «Были изданы произведения, которые написал мастер». Венгерское причастие выступает в прошедшем времени, так как обозначает действие, предшествующее действию сказуемого. Само причастие времени не выражает, оно передает время лишь относительно времени действия сказуемого.

В систему средств выражения залоговых значений в венгерском языке включается также причастная конструкция без послелога *által*. Основным ограничителем ее употребления является привязанность к определенному стилю речи. Страдательные причастия на *-t/-tt*, образованные от переходных глаголов, получают личное окончание 3-го лица (единственного числа) определенно-объектного спряжения (идентичное глагольному). Данные модели с личным окончанием и послелогом *által* выражают одно и то же значение в письменной речи, поэтому их легко можно заменить одна на другую с условием, что причастие, оформленное личным окончанием,

в большей степени свойственно книжно-му стилю, официально-деловой речи. В качестве примера трансформации приведем две разновидности причастного оборота: *A gyerekek szépen szavalták a Petőfi által költött verseket.* – *A gyerekek szépen szavalták a Petőfi költötte verseket.* «Дети очень хорошо читали стихи, сочиненные Петёфи». С точки зрения теории любое причастие на *-t/-tt*, образованное от переходного глагола, может использоваться в пассивной конструкции, в которой существительное без послелого *által* или с послелогом *által* выступает в функции логического объекта, а причастие – логического предиката, однако в действительности дело обстоит иначе.

Не следует забывать, что, несмотря на многообразие средств выражения залоговых значений в венгерском языке, в целом страдательная форма не свойственна венгерскому языку, поэтому причастные страдательные обороты используются в нем очень редко.

Заключение

Глаголы в венгерском языке не имеют пассивного залога, однако средства и формы его выражения представлены в нем развитой системой. Отсутствие оппозиции форм действительного и страдательного залогов – одна из типологических черт венгерского языка. Исследование показало, что в этом языке глагольные лексемы не располагают двумя различными словоформами, которые соотносились бы с разными диатезами.

Репрезентация средств выражения залоговых отношений в сравниваемых разносистемных языках с помощью проведенного сопоставительного анализа помогла установить их дифференциальные и универсальные признаки, особенности функционирования в речи. В русском языке использование формы страдательного залога обуславливают значение и вид глагола, в то время как в венгерском на возможность выбора тех или иных средств передачи залоговых значений в основном влияет семантика глагола. В русском языке существуют два способа образования страдательного залога: от

личных форм глагола и с помощью причастий. Оба способа имеют четко выраженные разновидности структурно-функционального плана: 1) аффиксальную, координирующую на морфологическом уровне показатели залога в глаголе и падежную форму именных компонентов, 2) структурную, включающую конструкции с переходными и непереходными глаголами. При этом языковые средства, используемые в предложениях с залоговыми формами, различны, относятся к разным уровням языка и охватывают лексику, морфологию и синтаксис. Специфическую трудность русского языка составляет падежное оформление субъекта действия в конструкциях страдательного залога.

Выражение залоговых значений в венгерском языке в отличие от русского осуществляется в рамках структуры простого предложения. Венгерский язык характеризуется системой глагольных словообразовательных аффиксов, имеющих залоговое значение, но не располагает никакими специальными средствами словоизменения. Венгерские суффиксальные глагольные формы, обладающие залоговым значением, по сравнению с русскими имеют больше морфологических функций, связанных со словообразованием.

Анализ фактического материала показал, что залоговые отношения в обоих языках охватывают не только класс глаголов, но и другие классы слов. В образовании форм, имеющих пассивное значение, в венгерском языке активное участие принимает причастие. Обладая свойствами прилагательного, причастие русского языка в отличие от венгерского изменяется по родам и числам. Русские причастия помимо этого склоняются и имеют полную и краткую формы. В венгерском языке есть самостоятельные причастные «обороты», отсутствующие в русском и по этой причине имеющие в нем разные соответствия, в том числе придаточные предложения.

В обоих языках в страдательных конструкциях возможен пропуск субъекта, являющегося фактическим исполните-

лем действия, в результате чего они становятся семантически тождественными неопределенно-личным предложениям.

Полученные в результате анализа данные помогут восполнить пробелы в недостаточной изученности комплекса языковых средств выражения залоговых отношений в сравниваемых языках. Рас-

смотренные в статье проблемы не только имеют научное значение для каждого из исследуемых языков, но и определяют возможности решения некоторых общетеоретических и специальных лингвистических задач, в частности в области типологического изучения грамматик разноструктурных языков.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бондарко А. В. К определению понятия «залоговость». Активность и пассивность // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб., 1991. С. 125–141.
2. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). 4-е изд. М.: Рус. яз., 2001. 720 с.
3. Виноградов В. С., Милославский И. Г. Сопоставительная морфология русского и испанского языков. М.: Рус. яз., 1986. 160 с.
4. Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. М.: Добросвет, 2004. 862 с.
5. Гуськова А. П. К вопросу о грамматических категориях глагола в венгерском языке в сопоставлении с русским // Вестник угроведения. 2021. Т. 11, № 2. С. 242–250. DOI: 10.30624/2220-4156-2021-11-2-242-250.
6. Дэжэ Л. Типологическая характеристика русской грамматики в сопоставлении с венгерской. Простое предложение. Будапешт: Танкёньвкиадо, 1984. 264 с.
7. Карпухин С. А. К вопросу о взаимодействии глаголов вида с другими категориями // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25, № 1. С. 96–101. DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-1-96-101.
8. Кондратьева Н. В., Костина К. Г. История изучения грамматической категории залога в удмуртской лингвистике // Вестник угроведения. 2021. Т. 11, № 3. С. 444–452. DOI: 10.30624/2220-4156-2021-11-3-444-452.
9. Костина К. Г. Функционирование возвратного залога глагола в современном удмуртском языке // Финно-угорский мир. 2021. Т. 13. № 4. С. 358–368. DOI: 10.15507/2076-2577.013.2021.04.358-368.
10. Коткова И. А. Грамматические значения возвратного залога в удмуртском языке // Вестник Удмуртского университета. 1993. № 6. С. 24–27.
11. Майтинская К. Е. Венгерский язык // Языки мира. Уральские языки. М., 1993. С. 256–279.
12. Мельчук И. А., Холодович А. А. К теории грамматического залога (Определение. Исчисление) // Народы Азии и Африки. 1970. № 4. С. 111–124.
13. Пете И. Морфология русского языка в сопоставлении с венгерским. Будапешт: Танкёньвкиадо, 1988. 377 с.
14. Ушаков Г. А. К вопросу о залоговых значениях глаголов // Вопросы фонетики и грамматики удмуртского языка: сб. ст. Устинов, 1986. С. 112–116.
15. Храковский В. С. Пассивные конструкции // Типология пассивных конструкций: Диатезы и залого. Л., 1974. С. 5–45.
16. Храковский В. С. Пассивные конструкции. Формально-семантическая классификация пассивных глагольных форм // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб., 1991. С. 141–180.
17. Шальга А. Венгерский язык в зеркале русского языка. Будапешт: Танкёньвкиадо, 1984. 152 с.
18. A mai magyar nyelv rendszere. Leiró nyelvtan / szerk. J. Tompa. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1970. Köt. 1. 599 old.

Поступила 27.12.2021; одобрена 10.01.2022; принята 13.01.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

А. П. Гуськова – кандидат филологических наук, доцент кафедры финно-угорской филологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, guskova_ant@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8843-0264>

Expression of voice relation in the languages of different structure: is there a category of voice in Hungarian?

Antonina P. Guskova

*Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia*

Introduction. This article is a development of an earlier study on the grammatical categories of the verb in Hungarian in comparison with Russian. The subject of study in this work is the grammatical category of voice, one of the most common verbal categories, typical for Russian verbs and absent in the Hungarian language, as well as the ways of its transmission when translated into Hungarian. The purpose of this work is to analyze the grammatical forms of the Hungarian and Russian verbs expressing voice relations and to establish the corresponding equivalents of the category of voice in Russian in the Hungarian language.

Materials and Methods. The research material is verbal vocabulary selected from lexicographic works (dictionaries of the Hungarian and Russian languages), linguistic and journalistic sources, grammars of the Hungarian language. The article considers both the written form of the modern Hungarian language and examples from live colloquial speech. The methodological framework of this study is based on researches on general linguistics, the theory of morphology, contributing to the formulation of the problem, determining the degree of its development in the research literature, as well as familiarizing with the conceptual approaches to the voice as an ambiguously interpreted grammatical category of the verb. The methods used in the study are comparative-typological, synchronous-descriptive and functional-semantic methods.

Results and Discussion. In the course of study it revealed how inflectional and derivational means helping to express the grammatical semantics of the category of voice in Russian can adequately convey the categorical meaning in the Hungarian language, in which the category of voice is absent. The comparative study of two languages helps to identify the features inherent in each of them, which generally contributes to solving the problems associated with the practice of their teaching. The results of the work based on the data of the ongoing research may be useful in the analysis of other grammatical categories on the material of various languages.

Conclusion. Despite the fact that verbs in the Hungarian language do not have a passive voice, the means and forms of its expression are represented in it by a developed and diverse system. The study allows making a step forward in understanding the typological specifics of the voice category and make a certain contribution to the general theory of this phenomenon, since it was the first study of the verb forms of two heterogeneous, genetically unrelated languages based on a comparative analysis in grammatical, semantic and functional aspects.

Keywords: verb, grammatical categories, voice category, paradigm, languages of different structure, comparative study of languages

For citation: Guskova AP. Expression of voice relation in the languages of different structure: is there a category of voice in Hungarian? *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2022;14;1:33-43. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.01.33-43.

REFERENCES

---

1. Bondarko AV. To the definition of the concept of "collateral". Activity and passivity. *Teoriia funkcional'noi grammatiki. Personal'nost'. Zalogovost'* = The theory of functional grammar. Personality. Collateral. Saint-Petersburg; 1991:125-141. (In Russ.)
2. Vinogradov VS. Russian language (Grammatical doctrine of the word). 4th ed. Moscow; 2001. (In Russ.)
3. Vinogradov VS, Miloslavskii IG. Comparative morphology of Russian and Spanish. Moscow; 1986. (In Russ.)
4. Gak VG. Theoretical grammar of the French language. Moscow; 2004. (In Russ.)
5. Gus'kova AP. To the question of verb grammatical categories in the Hungarian language in comparison with the Russian language. *Vestnik ugrovedeniia* = Bulletin of Ugric Studies. 2021;11;2:242-250. (In Russ.). DOI: 10.30624/2220-4156-2021-11-2-242-250.
6. Dezhe L. Typological characteristics of Russian grammar in comparison with Hungarian. Simple sentence. Budapest; 1984. (In Russ.)

7. Karpukhin SA. On the question of the interaction of verbal aspect with other categories of the verb. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya* = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2019;25;1:96–101. (In Russ.). DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-1-96-101.
8. Kondrat'eva NV, Kostina KG. History of study of the grammatical category of the voice in the Udmurt linguistics. *Vestnik ugrovedeniia* = Bulletin of Ugric Studies. 2021;11;3:444–452. (In Russ.). DOI: 10.30624/2220-4156-2021-11-3-444-452.
9. Kostina KG. Functioning of the verb's reflexive voice in the modern Udmurt language. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2021;13;4:358–368. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.013.2021.04.358-368.
10. Kotkova IA. Grammatical meanings of the reflexive voice in the Udmurt language. *Vestnik Udmurtskogo universiteta* = Bulletin of the Udmurt University. 1993;6:24–27. (In Russ.)
11. Maitinskaia KE. Hungarian. *Iazyki mira. Ural'skie iazyki* = Languages of the world. Uralic languages. Moscow; 1993:256–279. (In Russ.)
12. Mel'chuk IA, Kholodovich AA. On the theory of grammatical voice (Definition. Calculus). *Narody Azii i Afriki* = Peoples of Asia and Africa. 1970;4:111–124. (In Russ.)
13. Pete I. Morphology of Russian in comparison with Hungarian. Budapest; 1988. (In Russ.)
14. Ushakov GA. On the question of the voice meanings of verbs. *Voprosy fonetiki i grammatiki udmurtskogo iazyka: sb. st.* = Issues of phonetics and grammar of the Udmurt language. Collection of articles. Ustinov; 1986:112–116. (In Russ.)
15. Khrakovskii VS. Passive constructions. *Tipologiya passivnykh konstruktivov: Diatezy i zalogi* = Typology of Passive Constructions: Diathesis and Pledges. Leningrad; 1974:5–45. (In Russ.)
16. Khrakovskii VS. Passive constructions. Formal-semantic classification of passive verb forms. *Teoriia funktsional'noi grammatiki. Personal'nost'. Zalogovost'* = The theory of functional grammar. Personality. Collateral. Saint-Petersburg; 1991:141–180. (In Russ.)
17. Shal'ga A. The Hungarian language in the mirror of the Russian language. Budapest; 1984. (In Russ.)
18. Tompa J., ed. A mai magyar nyelv rendszere. Leiró nyelvtan. Budapest; 1970;1.

Submitted 27.12.2021; reviewing 10.01.2022; accepted 13.01.2022.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

A. P. Guskova – Candidate Sc. {Philology}, Associate Professor, Department of Finno-Ugric Philology, Lomonosov Moscow State University, guskova_ant@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8843-0264>